

ДИПЛЕМАМА ЕЛЬЦИНА: ДИПЛЕМАМА ЕЛЬЦИНА: ПАМЯТНИК

НЕРУКОТВОРНЫЙ НА ТРОИХ

Он был журналистом-международником в «Известиях» и ведущим «Международной панорамы» на самом престижном 1-м канале. Его передачу ждали. Она собирала многомиллионную аудиторию. Автор и ведущий Александр Бовин умел размышлять вслух, вовлекать слушателей в беседу. Его оценки политических событий были неординарны, но удивительно точны. Когда после 25-летнего перерыва были восстановлены дипломатические отношения с Израилем, он стал последним послом Советского Союза в этой стране и первым — новой России. Пробыв пять с половиной лет «за морями, за лесами», он снова в Москве.

— Александр Евгеньевич, вы рады своему возвращению в «Известия»?

— В общем — да, хотя поначалу не хотел возвращаться и тем самым поднимать возрастную планку «Известий». Но потом произошли события, связанные с банком, акциями и прочим — в «Известиях» началась болтанка, изменился состав Совета директоров. Из газеты ушли главный редактор и несколько журналистов. Как-то мне это не по душе. Поэтому передумал и вернулся. Ведь даже в более трудные времена, когда давил агитпроп, свирепствовала цензура, мы не уходили, а старались делать приличную газету.

— А как вы попали в «Известия» в первый раз? У вас журналистское образование?

— Школу окончил в Горьком, приехал в Москву почти полвека назад — в 1948 году. Собрался поступать в Дипломатическую академию. Пришел туда, а мне говорят: «Берем только с высшим образованием». Тогда я отправился на улицу Герцена, где помещался юрфак МГУ. Прошел собеседование — у меня была золотая медаль — но не попал, общежития не дали.

Поехал в Ростов-на-Дону, где к тому времени жили мои родители. Там в 53-м закончил юрфак РГУ и был избран народным судьей Нефтегорского района Краснодарского края. Самым молодым судьей был в Советском Союзе: мне едва стукнуло 23 года.

А в журналистику пришел после аспирантуры философского факультета МГУ. Меня пригласили в редакцию философии журнала «Коммунист».

— Не скучная была работа?

— Нет. Народ там был не скучный. Плюс — хорошая редакторская школа. Писали-то, в основном, начальники, приходилось приводить их труды в божеский вид. Так что набил руку. И сам писал. Теперь перечитывать это иногда забавно.

Через какое-то время был приглашен в аппарат ЦК к Андропову.

— Кем был Андропов в ту пору?

— Он заведовал Отделом по связям с коммунистическими и рабочими партиями соцстран. Еще действовала инерция XX съезда КПСС. Мысль стала модой. Соответственно Андропов подбирал консультантов. У него работали Арбатов, Богомолов, Бурлацкий, Делюсин, Шахназаров и другие специалисты не аппаратного типа. Это были мои настоящие университеты, школа политического анализа. Без цеховских 10 лет я бы не стал журналистом. Андропов был незаурядным учителем. Наша задача состояла в том, чтобы показывать то, что происходит на самом деле. С допусками, конечно, чтобы не слишком расстраивать начальство.

А потом меня выпроводили из ЦК. Не буду вдаваться в подробности, поскольку еще живы люди, причастные к этому делу.

— В чем все-таки была суть конфликта?

— Я дал довольно жесткую характеристику Брежневу и его окружению.

— В былые времена вас бы просто посадили. Какой это был год?

— 72-й. Однажды утром приходит фельдшер и вручает пакет. Там бумага, в коей сказано, что я освобождаюсь от работы руководителя группы консультантов Отдела ЦК и назначаюсь политическим обозревателем газеты «Известия». Подписал решение второй человек в партии — Сулов. Гром среди ясного неба. Но без молнии. Так я стал обозревателем «Известий» — с 19 апреля 1972 года.

— И уже с этой должности были назначены послем в Израиле?

— Да. Покинул свой известинский кабинет (теперь опять в нем сижу) 19 декабря 1991 года.

— Говорят, что вы, работая в «Известиях», все-таки оставались спичрайтером...

— Правильно говорят. Хотя слово это в те времена не употреблялось. Два года я провел в «ссылке». И вдруг вызывают в Завидово к Брежневу. «Всякое бывает», — сказал он, — давай возвращайся в ЦК». Возвращаться я отказался. И стал работать в команде в качестве, так сказать, вольнонаемного.

— Вы общались с Брежневым напрямую?

— Естественно. Часто жили у него в Завидово. Сидели за одним столом, работали, спорили, ругались иногда. Все путем...

— Брежнев обладал государственным умом, как вы считаете?

— По критериям его поколения — обладал. Он был типичным партийным работником тех времен. Не был отягощен теорией. Беседы с людьми заменяли ему чтение книг. Он руководствовался не идеологическими постулатами, а здравым смыслом — в пределах, естественно, своего разумения. Скажем, он прекрасно понимал, что Советскому Союзу не нужна большая война. Отсюда — курс на мирное сосуществование. Отсюда — переговоры с Америкой о стратегическом разоружении, о ликвидации противоракетной обороны. Отсюда — Хельсинки со знаменитой «третьей корзиной». И все это при колоссальном сопротивлении военной, партийно-бюрократической верхушки.

А другая сторона — Чехословакия, Афганистан. Кстати, на Чехословакии, по моим наблюдениям, Брежнев сломался, что-то в нем изменилось...

Пока Брежнев был здоров, нормально с ним можно было работать. Простая, деловая атмосфера. Он не вставал на цыпочки, не изборажал из себя начальника.

Когда начались болезни, все изменилось. Свита стала делать из Брежнева великого че-

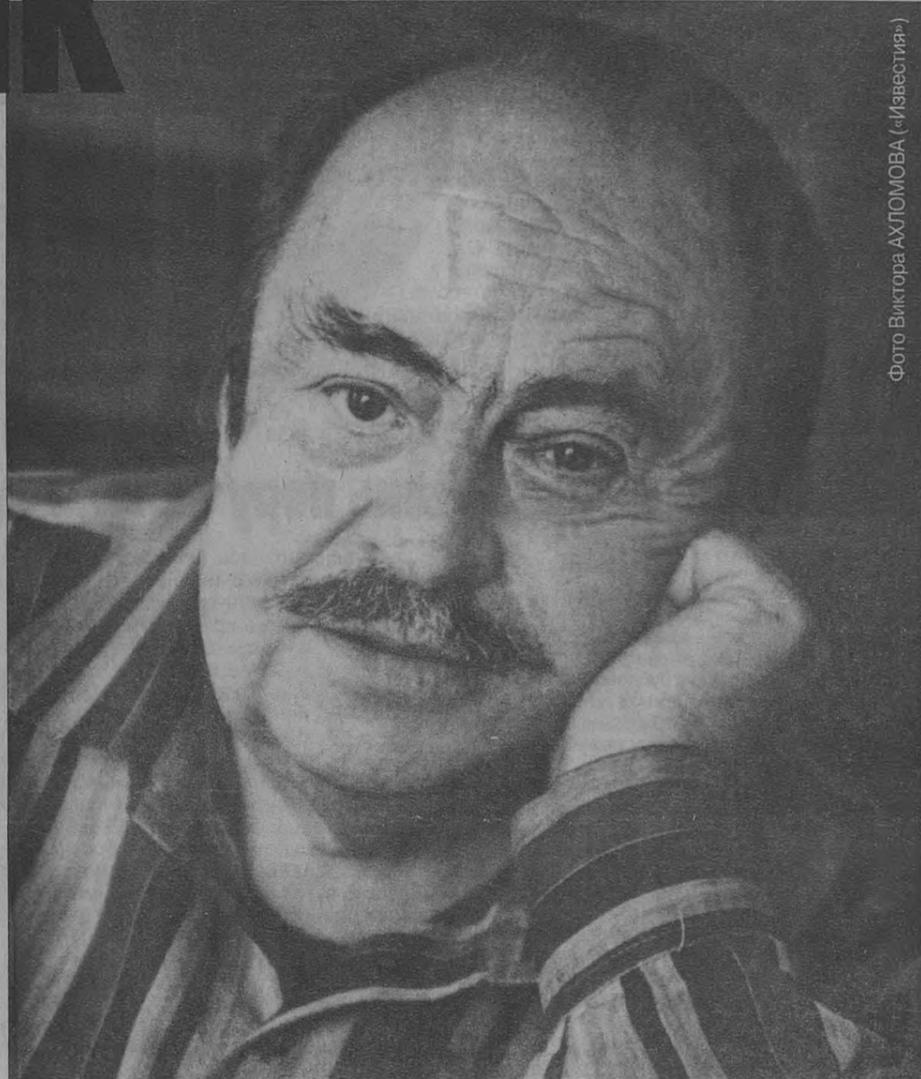

Фото Виктора АХЛЮМОВА («Известия»)

ловека — и он воспринимал это всерьез. Обвешал себя орденами и ходил, как памятник самому себе... Какая уж тут работа.

— Раз уж зашла речь о генсеках, спрошу вас об Андропове.

— Андропов был умнее, образованней Брежнева, хотя был единственным членом Политбюро, не имевшим высшего образования. Много читал. Прихожу однажды к нему в больницу, на тумбочке — томик Платона. «Что это вы, — спрашиваю, — взялись за Платона?» А он: «Чтобы со своими консультантами разговаривать...».

Андропов был убежденным, «классическим» коммунистом. Сторонником жесткого порядка. Понимал, что перемены неизбежны, но под контролем партии. Именно он приоткрыл клапан: начал выпускать евреев, вызвав на себя довольно сильный огонь. А с другой стороны, — в КГБ открыл специальный отдел по борьбе с диссидентами.

В отношениях с Андроповым было всякое. Помню, Арбатов написал ему письмо о несогласии с его подходом к искусству, к интеллигенции. Андропов ответил очень жестким письмом и практически разорвал с нами отношения.

Перед самой его смертью помирились... Хотел написать об Андропове книгу. Начал работать. Но когда дотронулся до архивов КГБ, понял, что не смогу написать о нем хорошо, а плохо писать не хотел. И расторг договор с издательством.

Андропов был очень сложным человеком, человеком своего времени. Останься он генсеком, мы бы пошли по китайскому пути, то есть экономические реформы минус демократия. Так сказать, социализм с получеловеческим лицом.

— Ход нашей беседы, Александр Евгеньевич, соответствует ходу времени. Черненко пропускаем, на дворе — перестройка.

— Всю жизнь мечтал о ней, готовился к ней, пытался что-то делать, чтобы приблизить перемены. Но не смог, к сожалению, вписаться в

темпы и характер перестроечной лавины, которые обрушились на нас.

Да и в «Известиях» заскучал. Почти двадцать лет все же. О чем только не писал! Даже об Антарктиде. Принялся ходить по начальству и просить: «Пошлите меня послом в Новую Зеландию!». Исходил из того, что делать там особенно нечего. Можно будет писать книги. В частности, была мысль написать нечто вроде «Введения в политику». С разными людьми говорил: и с Шеварднадзе, и с Козыревым, и с Панкиным, и с Яковлевым. Кивали головами, но без особого энтузиазма...

В октябре редакция отправила меня в Израиль, и там встретился с Панкиным, приехавшим восстанавливать дипломатические отношения. И судьба моя решилась. Верительные грамоты успели подписать еще Горбачев и Шеварднадзе.

— А форму дипломата вы носили?

— Сшили мне мундир, кажется, последний в мидовской практике. Напоминал в нем швейцара богатого отеля. Надел мундир один-единственный раз, когда вручал президенту Израиля верительные грамоты.

— Ваше пятилетнее пребывание на посту посла России в Израиле заслуживает отдельного разговора. Заручившись вашим согласием на такой разговор, хотел бы вернуться к журналистике и политике. Один мой знакомый заметил как-то о своем коллеге: «Да какой он журналист! Он репортер». Меня, признаться, такая дифференциация удивила...

— По-моему, репортер это и есть журналист. Настоящий газетчик. Вот в «Известиях» Чародеев, Алимов — прекрасные журналисты именно репортерского плана. Они работают с людьми, с фактами, с жизнью, в общем. А моя «ниша», как ныне говорят, политический анализ. Я работаю, как правило, с бумагами, с документами. Всякого рода интервью, беседы служили для меня как бы украшением, виньетки. А в принципе мог бы обойтись и без них. За всю свою журналистскую жизнь написал всего лишь один очерк — об Армении.

— А очерки «Малая земля», «Целина» вам не приходилось писать?

— Один и поныне здравствующий начальник пригласил меня однажды и сказал: «Саша, мы бы хотели, чтобы ты подключился к группе, занимающейся мемуарами Леонида Ильича. Как ты на это смотришь?». Я ответил именно то, что только что сказал вам: никогда не писал ничего, кроме политических статей (или опять же — политических речей). Хорошо написать в очерковом жанре не смогу, а плохо работать не умею. Вот так и выкрутился из этой ситуации.

— Ваши передачи на телевидении были по тем временам достаточно смелы, раскованны. Чего вам это стоило?

— Всякая свобода — это риск. Можно было рисковать, но многие не хотели этого делать. Конечно, у меня было одно важное преимущество: все понимали, что я из «команды» Брежнева. Ну его, думали, к чертовой матери, лучше с ним не связываться! Тем не менее меня дважды отлучали от телевидения, каждый раз — на год. Неприятно было... Но что делать — таковы были правила игры.

— Вы вернулись в «Известия». А на телевидение не думаете возвращаться?

— Думаю. Сначала я договорился с НТВ вести еженедельную передачу по международным вопросам. А затем пригласил меня Юрий Михайлович Лужков и предложил программу на ТВ-центр. Лужкову я не мог отказать — не потому, что мэр, а потому, что хороший мэр. Крайне неловко, совестно было объясняться с Леной Парфеновой на НТВ, но так вот получилось...

Должен вам сказать, что пока я не очень уверенно себя чувствую и в газете, и на ТВ. Я ведь, в общем, человек прошедших времен. К тому же пять с половиной лет не был в России. Вернулся в другую страну, но попытаюсь остаться самим собой, работать так, как работал раньше: без всяких финтифлюшек и модного нынче антуража. Мое дело — не интриги, не скандалы, а анализ, смысл, значения. Если пойму, что это теперь не нужно, уйду.

— Какие события вашей жизни вы считаете самыми трагическими?

— Их два: ввод наших войск в Чехословакию и развал Советского Союза.

Чехословакия давала социализму шанс выжить, трансформироваться, но выжить. Но тогдашняя верхушка КПСС не поняла это (да, видимо, и не могла понять). После Праги кризис социализма стал приобретать необратимый характер. Кстати, это поначалу и нами не было понято, Горбачевым, в частности.

— Вы полагаете, Союз можно было сохранить?

— Думаю, можно. Хотя я не варился тогда в той руководящей каше, и мне трудно сейчас судить, кто, как и за какие ниточки дергал. Трудно судить, мог ли Горбачев после ГКЧП, после роспуска КПСС предотвратить цунами, обрушившийся на Союз. Скорее всего, было уже поздно. Конечно, раскачав лодку, Горбачев создал условия для развала Союза, но решающую роль сыграли Ельцин, Кравчук и Шушкевич.

— Горбачев как-то сказал, что он мог бы сидеть во власти еще минимум десяток лет, держать и не пущать...

— А почему бы и нет? Мог бы. Но он был шестидесятиником. Он хотел соединить социализм и свободу, но не мог предусмотреть, что события его захлестнут, что процесс станет неуправляемым.

И Горбачев, и Ельцин — драматические, даже трагические фигуры. Оба — партийные руководители, оба вскорлестные марксистским молоком и оба волею истории оказались вовлеченными в великий исторический переворот, смысл которого оба поначалу не понимали. Если бы они не переругались, если бы работали вместе, тогда, может быть, все могло бы пойти по-другому. Впрочем, история не терпит сослагательного наклонения.

— А в наклонении изъяснительном?

— Горбачев, что бы о нем ни говорили, воздвиг себе «памятник нерукотворный». Он выпустил нас из тюрьмы тоталитаризма. На долю Ельцина выпала гораздо более трудная задача — создание новой России, нового общества. На мой взгляд, у Ельцина есть (или — был?) огромный внутренний потенциал. Сумеет ли он им воспользоваться в оставленное ему время, пока не ясно. Если не сумеет, если не вытащит страну из кризиса, то памятник будет поставлен в Беловежской Пуще. На троих...

... Был я недавно у одного банкира, спросил его: «Если бы вы стали президентом, что бы вы сделали, чтоб заработала экономика? Он ответил: «Я бы наавтра пригласил к себе 30 — 40 лидеров производства, но чтобы каждому было не больше сорока. И вот у них, у этих людей, я бы и спросил: «Что делать?»...

— По-моему, неплохая идея...

— У молодой России должны быть молодые руководители. Дети умнее своих родителей. Иначе остановилась бы история. Могут быть отдельные исключения, отклонения, но закон неумолим: следующие поколения умнее предыдущих. Кажется, наш президент уже стал понимать это.